

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ
МЕРЕЖКОВСКИЙ

НАПОЛЕОН

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Наполеон

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175067*

Аннотация

«... Показать лицо человека, дать заглянуть в душу его – такова цель всякого жизнеописания, „жизни героя“, по Плутарху.

Наполеону, в этом смысле, не посчастливилось. Не то чтобы о нем писали мало – напротив, столько, как ни об одном человеке нашего времени. Кажется, уже сорок тысяч книг написано, а сколько еще будет? И нельзя сказать, чтобы без пользы. Мы знаем бесконечно много о войнах его, политике, дипломатии, законодательстве, администрации; об его министрах, маршалах, братьях, сестрах, женах, любовницах и даже кое-что о нем самом. И вот что странно: чем больше мы узнаем о нем, тем меньше знаем его.

«Этот великий человек становится все более неизвестным», – говорит Стендаль, его современник. «История Наполеона – самая неизвестная из всех историй», – говорит наш современник Леон Блуа.

Это значит: в течение больше ста лет «неизвестность» Наполеона возрастает. ...»

Содержание

Том первый	4
Судьи Наполеона	4
Устроитель хаоса	29
Владыка мира	42
Человек из Атлантиды	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Том первый

Наполеон – человек

Судьи Наполеона

*Свершитель роковой безвестного веленья.
Пушкин*

Показать лицо человека, дать заглянуть в душу его – такова цель всякого жизнеописания, «жизни героя», по Плутарху.

Наполеону, в этом смысле, не посчастливилось. Не то чтобы о нем писали мало – напротив, столько, как ни об одном человеке нашего времени. Кажется, уже сорок тысяч книг написано, а сколько еще будет? И нельзя сказать, чтобы без пользы. Мы знаем бесконечно много о войнах его, политике, дипломатии, законодательстве, администрации; об его министрах, маршалах, братьях, сестрах, женах, любовницах и даже кое-что о нем самом. И вот что странно: чем больше мы узнаем о нем, тем меньше знаем его.

«Этот великий человек становится все более неизвестным», – говорит Стендаль, его современник.¹ «История На-

---

¹ Stendhal. Vie de Napoléon. 3 ed. P., 1896. P. 2.

полеона – самая неизвестная из всех историй», – говорит наш современник Леон Блуа.²

Это значит: в течение больше ста лет «неизвестность» Наполеона возрастает.

Да, как это ни странно, Наполеон, при всей своей славе, неведом. Сорок тысяч книг – сорок тысяч могильных камней, а под ними «неизвестный солдат».

Может быть, это происходит и оттого, что, по слову Гераклита, «конца души не найдешь, пройдя весь путь,—так глубока». Мы ведь и души самых близких людей не знаем,— ни даже своей собственной души.

Или, может быть, душа его вообще неуловима книгами: проходит сквозь них, как вода сквозь пальцы? Тайна ее, под испытующим взглядом истории, только углубляется, как очень глубокие и прозрачные воды под лучом прожектора.

Да, неизвестность Наполеона происходит и от этого; но, кажется, не только от этого. В чужую душу нельзя войти, но можно входить в нее или проходить мимо. Кажется, мы проходим мимо души Наполеона.

Узнавать чужую душу – значит оценивать ее, взвешивать на весах своей души. А в чьей душе весы для такой тяжести, как Наполеон?

«Я ни с чем не могу сравнить чувства, испытанного мною в присутствии этого колоссального существа», – вспоминает один современник, даже не очень большой поклонник его,

---

² Bloy L. L'âme de Napoléon. P., 1920. P. 7.

скорее обличитель.³

Таково впечатление всех, кто приближается к нему, друзей и недругов, одинаково: может быть, это даже не величие, но, уж наверное, огромность, несоизмеримость его души с другими человеческими душами. Он среди нас, как Гулливер среди лилипутов.

Маленькими глазками, увеличивающими, как микроскопы, лилипуты видят каждую клеточку Гулливеровой кожи, но лица его не видят; оно им кажется страшным и мутным пятном; маленькими аршинами могут они измерить тело его с математической точностью; но вообразить, почувствовать себя в этом теле не могут.

Так мы не можем себя почувствовать в душе Наполеона. А ведь именно это и нужно, чтобы ее узнать: не увидев чужой души изнутри, ее не узнаешь.

Кажется, только один человек мог судить Наполеона, как равный равного, – Гёте. Что Наполеон в действии, то Гёте в созерцании: оба – строители хаоса – Революции. Вот почему в дверях из одной комнаты в другую, из Средних веков в наше время, стоят они друг против друга, как две исполинские кариатиды.

«В жизни Гёте не было большего события, чем это *реальнейшее существо*, называемое Наполеоном», – говорит Ницше.⁴

---

³ Thiébauld P. Mémoires. P., 1892. Т. 4. P. 259.

⁴ «Er hatte kein grösseres Erlebniss, als jenes ens realisimum». – Nietzsche F. W.

«Наполеон есть краткое изображение мира». – «Жизнь его – жизнь полубога. Можно сказать, что свет, озарявший его, не потухал ни на минуту: вот почему жизнь его так лучезарна. Мир никогда еще не видел и, может быть, никогда уже не увидит ничего подобного». ⁵ Таков суд Гете – Наполеону равного. А у нас, неравных, дело с ним обстоит еще хуже, чем у лилипутов с Гулливером. Тут разница душ не только в величине, росте, количестве, но и в качестве. У него душа *иная*, чем у людей, – *иной* природы. Вот почему он внушает людям такой непонятный, ни на что земное не похожий, как бы нездешний, страх.

«Страх, внушаемый Наполеоном, – говорит госпожа де-Сталь, – происходит от особого действия личности его, которое испытывали все, кто к нему приближался. Я в своей жизни встречала людей достойных уважения и презренных; но в том впечатлении, которое производил на меня Бонапарт, не было ничего напоминающего ни тех, ни других». – «Скоро я заметила, что личность его неопределима словами, которые мы привыкли употреблять. Он не был ни добрым, ни злым, ни милосердным, ни жестоким, в том смысле, как другие люди. Такое существо, не имеющее себе подобного, не могло, собственно, ни внушать, ни испытывать сочувствия; это был больше или меньше, чем человек: его наружность, ум, речи

Götzen-Dämmerung; oder, Wie man mit dem Hammer philosophiert. 4 Aufl. Leipzig, 1899.

⁵ Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Запись 11 марта 1828 г.

– все носило на себе печать какой-то чуждой природы». ⁶

«Он миру чужд был. Все в нем было тайной», – понял Наполеона никогда не видевший его семнадцатилетний русский мальчик, Лермонтов. «Существо реальнейшее», вошедшее в мир, как никто, владыка мира – «миру чужд». – «Царство мое не от мира сего», – мог бы сказать и он, хотя, конечно, не в том смысле, как это было однажды сказано.

Эту «иную душу» в себе он и сам сознает. «Я всегда один среди людей», – предсказывает всю свою жизнь никому не ведомый семнадцатилетний артиллерийский поручик Бонапарт. ⁷ И потом, на высоте величия: «Я не похож ни на кого; я не принимаю ничьих условий». ⁸

И о государственном человеке – о себе самом: «Он всегда один, с одной стороны, а с другой – весь мир». ⁹

Эта «иная душа» не только устрашает, отталкивает людей, но и притягивает; внушает им то любовь, то ненависть. «Все любили меня и все ненавидели».

Божий посланник, мученик за человечество, новый Прометей, распятый на скале Св. Елены, новый Мессия; и разбойник вне закона. Корсиканский людоед, апокалипсиче-

---

⁶ Staël-Holstein A.-L. G. de. Considerations sur la révolution française. P., 1862. T. 3, ch. 2; T. 4, ch. 18.

⁷ 7. Napoléon. Manuscrits inédite, 1786—1791 (Publ. par Masson F., Bingli G.). P., 1910. P. 5.

⁸ Rémusat C. É. G. de. Mémoires de madame de Rémusat, 1802– 1808 / Pub. par Rémusat P. P., 1893. T. 2. P. 112.

⁹ Ibid. T. 1. P. 231.

ский зверь из бездны, антихрист. Кажется, ни из-за одного человека так не боролась любовь и ненависть. Противоположные лучи их скрещиваются на лице его слишком ослепительно, чтобы мы могли его видеть. Видит ли он сам себя?

«Тысячелетия пройдут, прежде чем повторятся такие обстоятельства, как мои, и выдвинут другого человека, подобного мне». ¹⁰ Он говорит это без гордости, или гордость его так похожа на смирение, что их почти не различить.

«Если бы мне удалось сделать то, что я хотел, я умер бы со славой величайшего человека, какой когда-либо существовал. Но и теперь, при неудаче, меня будут считать человеком необыкновенным». ¹¹ Это, пожалуй, слишком смиренно. А вот еще смиреннее: «Скоро меня забудут, мало найдут историки, что обо мне сказать». ¹² – «Если бы в Кремле пушечное ядро убило меня, я был бы так же велик, как Александр и Цезарь, потому что мои учреждения, моя династия удержались бы во Франции... тогда как теперь я буду почти ничем». ¹³ Это он говорит на Св. Елене живой в гробу; говорит о себе спокойно, бесстрастно, как о третьем лице, как живой о мертвом, или еще спокойнее, как мертвый о живом. «Чуждый миру», чужд и себе. Смотрит на себя со стороны: я для него уже не я, а *он*.

---

¹⁰ Lacour-Gayet G. Napoléon: Sa vie, son oeuvre, son temps. P., 1921. P. 576.

¹¹ O'Méara B. E. Napoléon en exile. P., 1897. Т. 2. P. 6.

¹² Gourgaud G. Sainte-Hélène: Journal inédit de 1815 à 1818. P., 1889. Т. 2. P. 13.

¹³ Ibid. P. 163.

Кажется иногда, что он и сам себя не знает, также как мы – его. Знает только, что тяжело земле носить такого, как он. «Когда я умру, весь мир вздохнет с облегчением: „Уф!“¹⁴ – «Будущее покажет, не лучше ли было бы для спокойствия мира, чтобы меня никогда не существовало».¹⁵

Это с одной стороны, а с другой: «Пожалеют, пожалеют когда-нибудь люди о моих несчастьях и моем паденье!»¹⁶ – «Будете плакать обо мне кровавыми слезами!»¹⁷

Fu vera gloria?

Ai posteri ardua sentanzia.

Была ли слава его истинной?

Трудный суд над ней принадлежит потомкам.¹⁸

Но и потомки оказались не лучшими судьями, чем современники.

«Чудовищная помесь пророка с шарлатаном».– «Лжив, как военный бюллетень».– это недаром во дни его сделалось пословицей.– «Крепкая, ясная, простая итальянская природа его разложилась в мутной атмосфере французского фанфаронства». Изолгался окончательно и «провалился в пустоту».– «Бедный Наполеон! Наш последний герой!» Таков суд

---

¹⁴ Rémusat C. É. G. de. Mémoires. Т. 1. P. 125.

¹⁵ Chuquet A. M. La jeunesse de Napoléon. P., 1897. Т. 2. P. 15.

¹⁶ Las Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. Т. 1. P. 308.

¹⁷ Речь Наполеона в Палате Ста Дней в 1815 г.

¹⁸ Мандзони А. Пятое мая (1821).

Карлейля в его знаменитой книге «Поклонение героям». Если суд верен, то трудно понять, как мог очутиться в сонме героев этот «провалившийся в пустоту шарлатан». Впрочем, образ Наполеона начерчен здесь так скудно, грубо и поверхностно, что едва ли стоит долго останавливаться на нем.

Тэн сильнее Карлейля. Книга его о Наполеоне, кажется, и есть то последнее, что легло на душу читателей и не скоро из нее изгладится.¹⁹ Действием своим на умы и сердца книга эта обязана, может быть, не столько таланту и учености автора, сколько своему созвучию с духом времени: Тэн высказал о Наполеоне то, что у всех было на уме.

«Безмерный во всем, но еще более странный, не только преступает он за все черты, но и выходит из всех рамок; своим темпераментом, своими инстинктами, своими способностями, своим воображением, своими страстями, своею нравственностью он кажется отлитым в особой форме, из другого металла, чем его сограждане современники».²⁰ – «По глубине и широте гениальных замыслов, по героической силе духа, ума и воли со времен Цезаря не было ничего подобного».

Таково начало, а вот конец: «Дело наполеоновской политики есть дело эгоизма, которому служит гений; в его общеевропейском здании, так же как во французском, надо всем господствовавший эгоизм испортил всю постройку». Наполеон среди людей – «великолепный хищный зверь, пущен-

---

¹⁹ Taine H. A. Les origines de la France contemporaine. P.: Hachette, 1909. Т. 9.

²⁰ Ibid. P. 5.

ный в мирно жующее стадо». – «Он обнаруживает безмерность и свирепость своего самолюбия», когда в 1813 году, в Дрездене, говорит Меттерниху: «Такой человек, как я, плюет на жизнь миллиона людей!» – «Положительно, с таким характером, как у него, нельзя жить; гений его слишком велик и зловреден; чем больше, тем зловреднее». – «Это эгоизм, выросший в чудовище и воздвигший среди человеческого общества колоссальное я, которое удлинняет постепенно, кругами, свои хищные и цепкие щупальца; всякое сопротивление оскорбляет его, всякая свобода стесняет, и, в присвояемой себе безграничной области, оно не терпит никакой жизни, если только она не придаток и не орудие его собственной жизни». ²¹ Другими словами, исполинский паук, захвативший мир в свои лапы и сосущий его, как муху, или адская машина, изобретенная дьяволом, чтобы разрушить мир; или, наконец, апокалипсический зверь, выходящий из бездны; « Наполеон-Аполлион, Губитель», как толковали имя его тогдашние начетчики Апокалипсиса.

«Вот видите, матушка, какое вы породили чудовище!» – смеялся он, читая подобные пасквилы. ²²

В 1814 году, после первого отречения, когда комиссары союзников везли его на остров Эльбу, роялисты, в маленьком городке Прованса, Оргоне, сколотили виселицу и повесили на ней чучело Наполеона, под крики толпы: «Долой

---

²¹ Ibid. P. 142, 20, 129, 76.

²² Las Cases E. Le mémorial... T. 3. P. 256.

Корсиканца! Долой разбойника!» А оргонский мэр говорил речь: «Я его своими руками повешу, отомщу за то, что было тогда!» Тогда, при возвращении Бонапарта из Египта, тот же мэр, произнося ему приветственную речь, стоял перед ним на коленях.²³

Нечто подобное происходит и с Тэном: в начале книги он поклоняется герою, а в конце – вешает чучело его.

«Привычка к самым жестоким фактам менее сушит сердце, чем отвлеченности: военные люди лучше адвокатов», – говаривал Наполеон, как будто предчувствовал, что сделают с ним «адвокаты» – «идеологи».²⁴

Знаменье времени – то, что на книгу Тэна никто не ответил, потому что беспомощную, хотя и добросовестную, книгу Артюра-Леви, где доказывается, что Наполеон есть не что иное, как «добрый буржуа до мозга костей», нельзя считать ответом.²⁵

И еще знаменье: в приговоре над Наполеоном Восток согласился с Западом, с неверующим Тэном – верующий Л. Толстой. Суд над Наполеоном пьяного лакея Лаврушки в «Войне и мире» совпадает с приговором самого Толстого: Наполеон совершает только «счастливые преступления». – У него «блестящая и самоуверенная ограниченность». – «Ребьяческая дерзость и самоуверенность приобретают ему ве-

---

²³ Fauvelet de Bourrienne L. A. Mémoires sur Napoléon. P., 1900. T. 5. P. 435.

²⁴ Bertaut J. Napoléon Bonaparte, virilités. P., s.a. P. 169.

²⁵ Levy A. Napoléon intime. P., 1897. P. 452.

ликую славу». У него «глупость и подлость, не имеющие примеров»; «последняя степень подлости, которой учится стыдиться всякий ребенок». ²⁶

Русскому пророку также никто не ответил, как европейскому ученому. И человеческое стадо жадно ринулось, куда поманили его пастухи. «Толпа в подлости своей радуется унижению высокого, слабости могучего: „он мал, как мы, он мерзок, как мы!“ Врете, подлецы: он мал и мерзок – не так, как вы – иначе!» (Пушкин).

Леон Блуа – совершенная противоположность Тэну и Л. Толстому. Книга его «Душа Наполеона», странная, смутная, безмерная, иногда почти безумная, но гениально глубокая, – одна из замечательнейших книг о Наполеоне. ²⁷

Острота и новизна ее в том, что автор делает методом исторического познания миф – кажущийся миф, действительный религиозный опыт, свой личный и всенародный. Он знает, как знали посвященные в Елевзинские таинства, что миф – не лживая басня, а вещий символ, прообраз утаенной истины, покров на мистерии и что, не подняв его, не проникнешь в нее. Через душу свою и своего народа – к душе героя, через Наполеонов миф – к Наполеоновой мистерии – таков путь Блуа.

«Наполеон необъясним; самый необъяснимый из людей, потому что он прежде и больше всего прообраз Того, Кто

---

²⁶ Толстой Л. Статьи о кампании 12-го года, прилож. к «Войне и миру».

²⁷ Bloy L. L'âme de Napoléon. P., 1920.

должен прийти и Кто, может быть, уже недалеко; прообраз и предтеча, совсем близкий к нам». – «Кто из нас, французов или даже иностранцев конца XIX века, не чувствовал безмерной печали в развязке несравненной Эпопеи? Кого из обладающих только атомом души не угнетала мысль о падении, воистину, слишком внезапном, великой Империи с ее Воздем? Не угнетало воспоминание, что еще только вчера люди, казалось, были на высочайшей вершине человечества и, благодаря одному лишь присутствию этого Чудесного, Возлюбленного, Ужасного, какого никогда не было в мире, могли считать себя, как первые люди в раю, владыками всего, что создал Бог под небом, и что сейчас после этого надо было снова упасть в старую грязь Бурбонов?»²⁸

Потерянный и возвращенный рай – вот покров Наполеонова мифа над мистерией; вот где душа народа соприкоснулась с душой героя.

«Бред сумасшедшего или лубочная картинка», – может быть, решил бы Тэн о книге Блуа, и был бы неправ. Не бывает ли, не была ли от 1793 до 1815-го «психология масс» похожа на «бред сумасшедшего» и «лубочная картинка» не драгоценный ли документ для историка?

Тем-то и драгоценен Блуа, что продолжает в душе своей Наполеонову «психологию масс», воскрешает Наполеонов миф. Когда он говорит о «своем Императоре», на глазах у него блещут такие же слезы, как у старых усачей-гренаде-

---

²⁸ Ibid. P. 9—10.

ров Великой Армии; тем-то он и драгоценен, что доказывает, что Наполеон все еще жив, в душе французов, в душе Франции, и, может быть, даже сейчас живее, чем когда-либо; что все еще из-под сорока тысяч книг – могильных камней – встает Неизвестный Солдат:

Из гроба встает Император.

«И то важно знать не одним французам, но и всем европейцам, потому что Герой может им всем понадобиться: „будете плакать обо мне кровавыми слезами“!

Блуа считает себя «добрым католиком», а добрые католики считают его злейшим еретиком. Но нет никакого сомнения, что он христианин, или, по крайней мере, хочет быть христианином. Но иногда и христианину трудно решить, молится ли Блуа или кощунствует. Во всяком случае, он слишком легко и смело решает, что Наполеон есть «предтеча Того, Кто должен прийти». – Кого именно, остается неясным, но, кажется, – Параклета, нового Адама, который возвратит ветхому Адаму, человечеству, потерянный рай. Слишком легко и безболезненно решает он: «Я не могу себе представить рая без моего Императора». ²⁹ Наполеон в раю, рядом с Жанною д'Арк – это не только для «добрых католиков» – не доказанное, а подлежащее доказательству. В том-то и вопрос, как соединить Жанну д'Арк с Наполеоном в раю.

---

²⁹ Ibid. P. 98.

Трудно также решить, молится ли Блуа или кощунствует, когда говорит: «Глянул Бог в кровавое зеркало войны, и оно отразило Ему лицо Наполеона. Бог любит его, как свой собственный образ; любит этого Насильника, так же как Своих кротчайших Апостолов, Мучеников, Исповедников». ³⁰

Да, может быть, это и кощунство; но, прежде чем решать, вспомним: «Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеянье Свое» (Ис. 63.3).

Вот почему и кротчайший из апостолов помнит, что «страшно впасть в руки Бога живого». Если бы и мы этого не забывали, то, может быть, не отразился бы в наши дни лик Божий в кровавом зеркале войны так ужасно, как еще никогда.

Во всяком случае, нельзя делать, как это делает Тэн, одного Наполеона ответственным за 2 000 000 людей, погибших в войнах его. ³¹ Получив в наследство от Революции войну Франции с легитимной Европой, он не мог бы ее прекратить, если бы даже хотел. Когда он говорит: «Будь я побежден под Маренго, 1814 и 1815 годы наступили бы тогда же», он прав. ³² Язву гражданской войны он исцелил на теле, может быть, не только Франции, но и всей Европы, а мы теперь знаем по

---

³⁰ Ibid. P. 24.

³¹ Ibid. P. 141.

³² Las Cases E. Le mémorial... T. 3. P. 370.

опыту, насколько гражданская война ужаснее международной. Наполеоновские войны – детская игра по сравнению с великой международной и русской гражданской войной, в которой убито 15 миллионов, 30 – погибло от эпидемий, 5 – от голода. И этому нисколько не помешало, а может быть и помогло, то, что Наполеона среди нас не было.

Как бы то ни было, Блуа, несомненно, прав в одном: история Наполеона или навсегда останется «самою темною из всех историй», или осветится светом христианства, потому что Наполеонов миф все еще близок в душе народа к христианской мистерии, а к душе героя нет иного пути, как через душу народа. Это значит, что последним судом будут судить Наполеона не «адвокаты-идеологи», авторы сорока тысяч книг, не те, кто говорит, а тот, кто молчит, – народ.

Что же думает народ о Наполеоне? Это трудно узнать не только потому, что народ молчит, но и потому, что мысли его слишком далеки от наших.

Народ называет Наполеона просто «Человеком», «l'Homme», как будто желая этим сказать, что он больше других людей исполнил меру человечества; и еще – «маленьким капралом», давая тем понять, что он простым людям свой брат. И с этим герой соглашается: «Я слыл страшным человеком только в ваших гостиных, среди офицеров и, может быть, генералов, но отнюдь не среди нижних чинов: у них был верный инстинкт правды и сочувствия; они знали,

что я их заступник и никому в обиду не дам». ³³ – «Народные струны отвечают моим; я вышел из народа, и мой голос действует на него. Взгляните на этих новобранцев, крестьянских детей: я им не льстил; я был с ними суров, а они все-таки шли за мной, кричали мне: „Виват император!“ Это потому, что у меня с ними одна природа». ³⁴

Да, люди шли за ним, как за одним человеком вот уже две тысячи лет; шли через моря и реки, через горы и степи, от Пирамид до Москвы; пошли бы и дальше, до края земли, если бы он их повел; шли, терпя несказанные муки, жажду, голод, холод, зной, болезни, раны, смерть, – и были счастливы. И он это знал: «Как ни велико было мое материальное могущество, духовное – было еще больше: оно доходило до магии». ³⁵

Когда он говорит в огне сражения: «Солдаты, мне нужна ваша жизнь, и вы должны мне ею пожертвовать», люди знают, что *должны*. «Никогда никому солдаты не служили так верно, как мне. С последней каплей крови, вытекавшей из их жил, они кричали: „Виват император!“ ³⁶

За человеческую память не было такого ужаса, как гибель шестисоттысячной Великой Армии в русском походе 1812 года. Наполеон знал, знала вся армия, что не пожар Москвы,

---

³³ Ibid. Т. 1. Р. 460.

³⁴ Ibid. Т. 2. Р. 42.

³⁵ Ibid. Т. 3. Р. 357.

³⁶ O'Méara. Napoléon en exil. Т. 1. Р. 200.

не мороз, не измена союзников виноваты в этой гибели, а он, он один. Что же, возмущалась, роптала? Нет, только старые усачи-гренадеры тихонько ворчали, а все-таки шли, теперь уже не за ним, а рядом с ним, потому что он шел среди них пешком, по снегу, с палкой в руках. «На Березине оставалась только тень Великой Армии; но он все еще был в ней тем же, что надежда в сердце человека». Идучи рядом с солдатами, ничего не боялся от них, говорил с ними ласково, и они отвечали ему так же. «Скорее обратили бы оружие на себя, чем на него». – «Падали и умирали у ног его, но и в предсмертном бреду не роптали на него, а молились». ³⁷

Франция содрогнулась от ужаса, когда получила 29-й бюллетень о гибели Великой Армии. В конце его было сказано: «Здравие его величества никогда не было в лучшем состоянии». – «Семьи, осушите слезы: Наполеон здоров!» – горько смеялся Шатобриан. ³⁸ А простые люди плакали, когда Наполеон, вернувшись в Париж, говорил им перед новым набором: «Вы меня избрали, я дело ваших рук, вы должны меня защищать!» ³⁹

В кампании 1812-го погибло 300 000 человек, а новый набор объявлен в 180 000. Только очень молодые люди попали в него: старших давно уже забрали. «Эти храбрые дети жаждут славы: ни направо, ни налево не смотрят, а всегда

---

³⁷ Ségur P. P. Histoire et mémoires. P., 1873. Т. 3. P. 6.

³⁸ Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 481.

³⁹ Ibid. P. 503.

вперед», – восхищался ими маршал Ней; восхищался ими и Наполеон: «Храбрость из них так и брызжет!»⁴⁰

Когда же и эти погибли под Лейпцигом, пришлось забирать на 1814-й уже совсем молоденьких мальчиков безусых, похожих на девочек, – «Мари-Луиз». Многие из них и ружья зарядить не умели. Но в несколько дней похода доросли до старых солдат 96-го, победителей мира.

Что говорит один современник о триумфальном шествии Наполеона с Эльбы в Париж, можно бы сказать о всей его жизни: «Шествие человеческих множеств за ним, как огненный след метеора в ночи».⁴¹

Народ верен ему до конца, и после Ватерлоо пошел бы за ним. На пути из Мальмезона в Рошфор – на Св. Елену, – толпы за ним бежали и кричали сквозь слезы: «Виват император! Останьтесь, останьтесь с нами!»⁴²

Члены палат, министры, маршалы, братья, сестры, любовницы – все изменяют ему, а народ верен. Чем люди выше, ближе к нему, тем хуже видят его, меньше любят; чем ниже, дальше от него, тем видят лучше и любят больше, «утаил от премудрых и открыл младенцам».

Старую негритянку-египтянку роялисты в Марселе, во время белого террора 1815-го, заставили кричать: «Виват король!» Но она не хотела – кричала: «Виват император!» Ее

---

⁴⁰ Ibid. P. 481.

⁴¹ Thiébault P. Mémoires. T. 5. P. 277.

⁴² Houssaye H. 1815. P., 1905. T. 3. P. 356.

повалили ударом штыка в живот. Она приподнялась и, держа обеими руками выпадавшие внутренности, крикнула: «Виват император!» Ее бросили в вонючую воду старого порта; и утопая, в последний раз она вынырнув, крикнула: «Виват император!»⁴³

Да, люди так никого не любили, так не умирали ни за кого, вот уже две тысячи лет.

Страшно то, что он говорит: «Такой человек плюет на жизнь миллиона людей!» Но, может быть, еще страшнее то, что миллионы людей отвечают ему: «Мы плюем на свою жизнь за такого человека, как ты!»

Что же они любят в нем? За что умирают? За Отечество, за Человека, Брата? Да, но и еще за что-то большее.

Кажется, верно угадал поэт, за что умерала Старая Гвардия под Ватерлоо.

Comprenant qu'ils allaient mourir dans cette fête,
Saluèrent leur dieu, debout dans la tempête.

И, зная, что умрут, приветствуют его,
Стоящего в грозе, как бога своего.⁴⁴

Но если бы тем двум гренадерам, которые под Сэн-Жан-д'Акр ом покрыли его своими телами, чтобы защитить от взрыва бомбы, сказали, что он для них бог, они бы не поня-

---

⁴³ Ibid. P. 15.

⁴⁴ Гюго В. Возмездие (1853).

ли и, может быть, рассмеялись бы, потому что, как старые, добрые санкюлоты, ни в какого Бога не верили.⁴⁵

В ночь накануне Аустерлица, когда император объезжал войска, солдаты вспомнили, что этот день – первая годовщина коронаваньа, зажгли привязанные к штыкам пуки соломы и сучья бивуачных костров, приветствуя его восьмьюдесятью тысячами факелов.⁴⁶ Он уже знал, и через него знала вся армия вещим предзнанием – Наполеоновским гением, что завтрашнее «солнце Аустерлица» взойдет, лучезарное. Так и сказано в бюллетене: «Le soleil se leva radieux. Солнце взошло, лучезарное». Но какому солнцу поклонялись на этой огненной всеночной, люди не знали. Если бы жили не в XIX веке по Р. Х., а во II – III, то знали бы: богу Митре, Непобедимому Солнцу – Sol Invictus.

Бедному «идеологу», Ницше надо было сойти с ума, чтобы это узнать: «Наполеон – последнее воплощенье бога солнца, Аполлона». И мудрый Гете это, кажется, знал, когда говорил: «Свет, озарявший его, не потухал ни на минуту; вот почему судьба его так лучезарна, – так солнечна».

«Холодно тебе, мой друг?» – спросил Наполеон старого гренадера, шедшего рядом с ним на Березине, в двадцатиградусный мороз. «Нет, государь, когда я на вас смотрю, мне тепло», – ответил тот.⁴⁷

---

⁴⁵ Las Cases E. Le memorial... Т. 1. P. 177.

⁴⁶ Ségur P. P. Histoire en memoires. Т. 2. P. 461.

⁴⁷ Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 207.

Так мог бы ответить древний египтянин своему фараону, богу солнца: «Воистину, из Солнца изшел ты, как дитя из чрева матери». ⁴⁸

Солнечный миф о страдающем богочеловеке – Озирисе, Таммузе, Дионисе, Адонисе, Аттисе, Митре – незапамятно древний миф всего человечества – есть только покров на христианской мистерии.

Солнце восходит, лучезарное, а заходит в крови закланной жертвы; солнце Аустерлица заходит на Св. Елене. Св. Елена больше, чем вся остальная жизнь Наполеона: все его победы, славы, величье – только для нее; жизнь его нельзя понять, увидеть иначе, как сквозь нее.

Молится ли он или кощунствует, когда говорит на Св. Елене: «Иисус Христос не был бы Богом, если бы не умер на кресте!» ⁴⁹ Как могли это сказать те же уста, что сказали: «Такой человек, как я, плюет на жизнь миллиона людей!» Или он сам не знает, что говорит? Пусть, – это все-таки не пустые слова, а может быть, самые полные, тяжкие, все решающие в его судьбе.

Пусть ему самому кажется, что Св. Елена, не жертва, а казнь. Объяснить и, может быть, оправдать его – значит объяснить Св. Елену, показать, почему она все-таки не казнь, а жертва, не гибель, а спасенье. Ничего подобного не могло быть в судьбе Александра и Цезаря, а Наполеон без этого не

---

⁴⁸ Гимн царю Ахенатону, в гробницах Тэль эль-Амарны 1350 г. до Р.Х.

⁴⁹ Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 570.

был бы героем христианской – все-таки христианской Франции, все-таки христианского человечества.

Так понял и народ. Это и значит: Наполеонов миф – покров на христианской мистерии. «Я не могу себе представить рая без моего императора» – это мог бы сказать и народ.

Когда Наполеон был на острове Эльбе, однажды трое солдат вошли в парижский кабачок и спросили четыре стакана. «Да ведь вас трое?» – удивился хозяин. «Все равно, давай: четвертый подойдет!» Четвертый – Наполеон.

Когда двое верующих в Него встречались на улице, один спрашивал: «Веришь ли в Иисуса Христа?» – «Верю в Него и в Его воскресение!» – отвечал другой.⁵⁰

20 марта 1815 года, когда Наполеон вернулся в Париж с Эльбы, толпа внесла его на руках в Тюльерийский дворец. «Те, кто нес его, были как сумасшедшие, и тысячи других были счастливы, когда им удавалось поцеловать край одежды его или только прикоснуться к нему. Мне казалось, что я присутствую при воскресении Христа».⁵¹

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели.

Может быть, те самые, которые под Сэн-Жан-д'Акром защитили его своими телами от бомбы. Один просит другого

---

⁵⁰ Ibid. P. 531.

⁵¹ Thiébauld P.. Mémoires. T. 5. P. 295.

похоронить его в чужой земле.

И смирно, и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье
И пушечный гром, и трубу,
То Он над могилою едет,
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, Император,
Из гроба твой верный солдат.⁵²

Это значит: Наполеон воскреснет и воскресит мертвых.

«Я знавал в детстве старых инвалидов, которые не умели отличить его (Наполеона) от Сына Божьего»,— вспоминает Блуа.⁵³

Если это кощунство, то, кажется, сам Наполеон в нем неповинен. «Прошу меня не сравнивать с Богом. Подобные выражения так странны и неуважительны ко мне, что я хочу верить, что вы не думали о том, что писали»,— говорит он неосторожному льстецу, морскому министру Декре.⁵⁴

Атеистом он не был, но и христианином тоже не был. «Я умираю в апостолической римской религии, в лоне которой я родился»,— пишет он в своем завещании.⁵⁵ Но, если он

---

⁵² Гейне Г. Гренадеры (1820). Пер. М. Михайлова.

⁵³ Bloy L. L'âme de Napoléon. P. 42.

⁵⁴ Levy A. Napoléon intime. P. 399.

⁵⁵ Las Cases E. Le mémorial... Т. 4. P. 640.

родился и умер в христианстве, то жил вне его – и даже так, как будто никогда христианства не было. «Я предпочитаю магометанскую религию: она не так нелепа, как наша». ⁵⁶ Это сказано там же, на Св. Елене, а ведь и это тоже не пустые слова.

Гете не совсем прав, когда говорит, что Наполеон есть «краткое изображение мира». Нет, не всего мира, а только одной половины его, – той, которую мы называем «языческой», другая же, которую мы называем «христианской», от Наполеона закрыта, темна для него, как для древних теней Аид, царство теней, ночная гемисфера небес. А что обе гемисферы – ночная и дневная – соединяются, этого он не знает.

Думать, что Наполеон есть предтеча Христа Грядущего, так же нелепо и нечестиво, как думать, что он предтеча Антихриста. В том-то и вся его трагедия, – и не только его, но и наша, ибо недаром он наш последний герой, – что он сам не знает, чей он предтеча. В этом, в главном, он – ни утверждение, ни отрицание, а только вопрос без ответа.

«Ну да, такой человек, как я, всегда бог или диавол!» – смеется он, может быть, так, как люди иногда смеются от страха. ⁵⁷ В самом деле, страшно для него и для нас – не знать, кем послан этот последний герой христианского человечества, Богом или диаволом.

---

⁵⁶ Gourgaud G. Sainte-Hélène. Т. 2. P. 270, 272.

⁵⁷ O'Méara B. E. Napoléon en exil. Т. 2. P. 246.

«Наполеон – существо демоническое»,– говорит Гете, употребляя слово «демон» в древнем языческом смысле: не бог и не диавол, а кто-то между ними.

Герой Запада, Наполеон и сам похож на запад, вечер мира.

Он был похож на вечер ясный:

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.

Вот почему он такой неизвестный, таинственный. Кажется, то, что говорит о нем Пушкин,– самое глубокое, что можно сказать:

Свершитель роковой безвестного веленья.

И вот почему так бессилен над ним человеческий суд.

Устроитель хаоса

Что влечет людей к Наполеону? Почему стремительный бег за ним человеческих множеств – «как огненный след метеора в ночи»?

Граф Сегюр, участник русского похода, описывает въезд Мюратовой конницы в еще не тронутую пламенем, но уже грозно опустевшую Москву 14 сентября 1812 года: «С тайным трепетом слушали всадники стук под собой лошадиных копыт» – единственный звук в тишине огромного и безлюдного города; «с удивлением слушали только себя среди такого множества домов». 1. Ségur P. P. Histoire et memoires. T. 5. P. 36.

В этом «удивленье», «тайном трепете» – то же апокалипсическое чувство, как во всей Наполеоновской мистерии; но началось оно еще раньше, в Революции, где достигает иногда такой остроты, что соприкасается – конечно, бессознательно – с христианской эсхатологией первых веков, с чувством мирового конца: «Скоро всему конец; будет новое небо и новая земля». В чувстве этом – конец и начало времен вместе; бесконечная древность: «сорок веков смотрит на вас с высоты пирамид», – и новизна бесконечная, небывалость, единственность всех ощущений: этого ничьи глаза еще не видели и уже не увидят. Радостный ужас, как перед вторым пришествием; исступленный вопль ясновидящих: «Маран аса!

Господь грядет!»

«Мы оставили за собой всех победителей древности,— продолжает вспоминать Сегюр. — Мы упоены были славою. Потом находила грусть: то ли изнеможение от избытка стольких чувств, то ли одиночество на этой страшной высоте, неизвестность, в которой мы блуждали на этих высочайших вершинах, откуда открывалась перед нами безграничная даль».

Та же эсхатология в книге Блуа: «Люди были на высочайшей вершине человечества, и, благодаря лишь присутствию этого Чудесного, Возлюбленного, Ужасного, какого никогда еще не было в мире, могли считать себя, как первые люди в раю, владыками всего, что создал Бог под небом».

Вот что влечет людей к Наполеону: древняя мечта о потерянном рае, о царстве Божьем на земле, как на небе, и новая — о человеческом царстве свободы, братства и равенства.

Это значит: душа Наполеона — душа Революции. Он молния этой грозы: чудо морское, выброшенное на берег бездною.

Революция вскормила его, как волчица Ромула. И сколько бы ни проклинал он ее, ни убивал ее, он всегда возвращается к ней и припадает к ее железным сосцам: кровь в жилах его — волчье молоко Революции.

Он — сама она во плоти: «Я — Французская Революция», — говорил он после казни герцога Энгиенского, одного из самых злых и страшных дел своих, — но не безумного: связь

его с царубийством 1793 года, Террором, душой Революции, упрочена этою казнию. Ров Венсенский, где расстрелян невинный потомок Бурбонов, есть рубеж между старым и новым порядком; разрез пуповины, соединявшей новорожденного кесаря с королевскою властью. Труп Энгиена для Бонапарта – первая ступень на императорский трон; кровь Энгиена для него – императорский пурпур.

«Только ослабляя все другие власти, я упрочу мою – власть Революции», – говорит он в Государственном Совете по поводу своего коронования.⁵⁸ И после двусмысленной речи Шатобриана в Академии о писателе Иосифе Шенье, царубийце 93-го года: «Как смеет Академия говорить о царубийцах, когда я, коронованное лицо, которое должно их ненавидеть больше, чем она, обедаю с ними и сижу в Государственном Совете рядом с Камбасересом (государственным канцлером, бывшим членом Конвента, тоже царубийцею)». ⁵⁹ Истинное помазание нового Кесаря не миро святейшей Ампулы, а революционная воля народа. «Я не похитил короны; я поднял ее из грязи, и народ возложил ее на мою голову; уважайте же волю народа». ⁶⁰

«Я – Французская Революция», – говорит он в начале империи, а в конце: «Империя есть Революция». ⁶¹

---

⁵⁸ Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 177.

⁵⁹ Ibid. P. 393.

⁶⁰ Las Cases E. Le memorial... Т. 1. P. 148.

⁶¹ Houssaye H. 1815. Т. 1. P. 512.

Революция – душа империи, ее динамика. Ею движется она, как тело душою. Только что империя дает трещины, как проступает сквозь них огненная лава революции.

«Надо снова надеть ботфорты 93-го года», – говорит Наполеон в 1814 году, во время нашествия союзников на Францию.⁶² И в 1815-м, накануне Ватерлоо: «Император, консул, солдат, – я все получил от народа... Воля моя – воля народа; мои права – его». ⁶³ И после Ватерлоо, перед отъездом в Рошфор – последним путем на Св. Елену: «Европейские державы воюют не со мной, а с Революцией». ⁶⁴

Вот почему старый честный якобинец, член Комитета Общественного Спасенья, Дон Кихот и филантроп 93-го года, Карно остается верен ему до конца. «Честь и благо Франции не позволили мне сомневаться, что дело Наполеона есть все-таки дело Революции», – объясняет эту верность другой якобинец. ⁶⁵

«Отделить, отделить его от якобинцев», – повторял в суевенном ужасе император Александр I на Венском конгрессе, когда получено было известие о бегстве Наполеона с о. Эльбы: кажется, Александр один понимал всю опасность того, что Наполеон снова сделается, чем раз уже был – воплощенной Революцией, «Робеспьером на коне».

---

⁶² Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 505.

⁶³ Houssaye H. 1815. T. 1. P. 605.

⁶⁴ Ibid. T. 2. P. 194.

⁶⁵ Thibaudeau A.-C. Mémoires, 1799—1815. P., 1913. P. 376.

Кромешный ужас, преисподнее лицо ее – лицо Медузы, от которого все живое каменеет, – знает он, как никто. «Революция – одно из величайших бедствий, какие только небо посылает земле». ⁶⁶ К революционной «сволочи vile canaille» у него отвращенье, физическое и метафизическое вместе. 10 августа 1792-го, глядя с Карусельной площади, как толпа ломится в Тюльерийский дворец, он шепчет сквозь зубы, бледнея: «Che coclione! О, сволочь! И как могли их пустить. Расстрелять бы картечью сотни четыре-пять, и остальные разбежались бы». ⁶⁷

Страха человеческого он не знает. Но бледнеет, «слушая рассказы о насильях, до каких способен доходить взбунтовавшийся народ. Если, во время поездок его верхом по парижским улицам, рабочий кидался перед ним на колени, прося о какой-нибудь милости, первым движением его было вздрогнуть и отшатнуться назад». ⁶⁸ Злой человек, дурной человек! – говорил он о Руссо над его могилой в Эрменонвилле. – Без него не было бы Французской революции... Правда, и меня бы не было... но, может быть, Франция была бы тем счастливее». ⁶⁹ – «Ваш Руссо – сумасшедший: это он

---

⁶⁶ Las Cases E. Le memorial... Т. 3. P. 395.

⁶⁷ Levy A. Napoléon intime. P. 51.

⁶⁸ Rémusat C.-É G. de. Mémoires. Т. 3. P. 356.

⁶⁹ Holland H. R. Souvenirs des cours de France, d'Espagne, de Prusse et de Russie. P., 1862. P. 193—194.

довел нас до такого состояния». ⁷⁰ – «Будущее покажет, не лучше ли было бы для спокойствия мира, чтобы ни Руссо, ни меня никогда не существовало». ⁷¹

Но он знает, что революция не могла не быть, что тот же рок и в ней, как и в нем. «Кажется, наша революция была неотвратимо-роковою, – нравственным взрывом, столь же неизбежным, как взрыв физических сил, извержением вулкана». ⁷²

Революция – хаос. Силы ее бесконечно-разрушительны. Если дать ей волю, она разрушила бы человеческий космос до основания, до той «гладкой доски», о которой поется в Интернационале. Чтобы спасти космос, надо обуздать хаос. Это Наполеон и делает, и, как бы мы ни судили о всех прочих делах его, надо признать, что это дело – доброе, и даже святое, или, как сказали бы древние, «богоподобное», потому что боги суть, по преимуществу, обуздатели и устроители хаоса.

«Я закрыл бездну анархии, я устроил хаос: я очистил революцию». ⁷³

Космос питается хаосом; прекраснейший космос – только устроенный хаос: это знают боги, знает и он, мнимый убийца революции, ее действительный бог Музогет.

---

⁷⁰ Roederer P. L. *Atour de Bonaparte: Journal*. P., 1909. P. 20.

⁷¹ Chuquet A. M. *La jeunesse de Napoléon*. T. 2. P. 15.

⁷² Las Cases E. *Le memorial...* T. 3. P. 395.

⁷³ *Ibid.* T. 2. P. 245.

«Вопреки всем своим ужасам, революция была истинной причиной нашего нравственного обновления: так самый смрадный навоз производит самые благородные растения. Люди могут задержать, подавить на время это восходящее движение, но убить его не могут». ⁷⁴ — «Ничто не разрушит и не изгладит великих начал Революции; эти великие и прекрасные истины останутся вечными: такую славою мы их озарили, такими окружили чудесами... Они уже бессмертны. Они живут в Великобритании, озаряют Америку; сделались народным достоянием Франции: вот трехсвечник, с которым воссияет свет мира... Истины эти будут религией всех народов, и, что бы ни говорили, эта памятная эра будет связана со мною, потому что я поднял светоч ее, осветил ее начала, и теперь гоненья сделали меня навсегда ее Мессиею. Друзья и враги мои скажут, что я был первым солдатом революции, ее великим вождем. И, когда меня не будет, я все еще останусь для народов звездой их прав, и имя мое будет их боевым кличем, надеждой в борьбе». ⁷⁵

По слову Пушкина:

Он миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Так ли это, что завещал он миру свободу и рабство?

---

⁷⁴ Ibid. Т. 4. Р. 43.

⁷⁵ Los Cases E. Le memorial... Т. 2. Р. 107.

Хаос революции, отменяя низший космос, прикасается, в одной исходной точке своей, к космосу высшему; на одно мгновение вспыхивает над полузвериным, полубожеским лицом революции огненный язык – «трижды светящий свет», «Das dreimal glühende Licht». ⁷⁶ *Свобода, Равенство, Братство* – Сын, Отец, Дух. Но мгновение проходит, свет потухает, и третий член – Братство, синтез Свободы и Равенства – выпадает из трехчленной диалектики: вместо Братства – братоубийство, стук ножа на гильотине: «Братство или смерть».

Остается тезис и антитезис – Свобода и Равенство – в неразрешимой антиномии: свобода в анархии или равенство в рабстве; власть одного над всеми или всех над одним; уничтожение общества в хаосе или уничтожение личности в проклятом космосе.

Эту антиномию Наполеон, может быть, смутно чувствовал, но не разрешил ее, а только устранил, пожертвовал свободой равенству.

«Лучше нарушить свободу, чем равенство. Это страсть века, а я хочу быть сыном века». ⁷⁷ – «Равенство, только равенство, – таков соединяющий лозунг между ним и революцией». ⁷⁸ – «Я хотел ввести систему всеобщего равенства».

---

⁷⁶ Гете И. В. Фауст (Рабочая комната Фауста).

⁷⁷ Los Cases E. Le memorial., Т. 4. P. 243.

⁷⁸ Rémusat C.-É G. de. Mémoires. Т. 3. P. 224.

⁷⁹ – «Мое главное правило: открытая дорога талантам, без различия рождений и состояний. Вот за эту-то систему равенства и ненавидит меня ваша (английская) олигархия». ⁸⁰ – «Свобода – потребность немногих, избранных... Ее можно стеснять безнаказанно, а равенство любезно большинству».

81

Он ошибся; стеснил свободу не безнаказно; она отомстила ему вечную тюрьмою – Св. Еленю. Не только немногие, «избранные» отшатнулись от него, восстали на него за свободу, но и целые народы.

«Торгашеская» Англия, как он ее называл, оказалась защитницею мировой свободы.

Получилась роковая для него схема: смертный поединок между Англией – морем – свободой, с одной стороны, и Наполеоном – сушей – равенством, с другой: между тезисом и антитезисом; а синтез выпал: всемирное братство народов – «вся земная суша, окруженная морями, новый остров Атлантида, потерянный и возвращенный рай», – не удалось.

Кажется, он и сам сознает, говоря языком человеческим, для него недостаточным, «вину» свою перед свободой.

«Клянусь, если я не даю Франции больше свободы, то потому только, что думаю, что это для нее полезнее». ⁸² – «Мой

---

⁷⁹ O'Méara B. É. Napoléon en exil. T. 2. P. 282.

⁸⁰ Ibid. P. 6.

⁸¹ Rémusat C.-É G. de Mémoires. T. 3. P. 153.

⁸² Roederer P. L. Atour de Bonaparte. P. 240.

деспотизм. Но историк докажет, что диктатура была необходима, что своеволие, анархия, великие беспорядки стояли еще при дверях». ⁸³ – «Я мог быть только коронованным Вашингтоном, в сонме побежденных царей... Но этого нельзя было достигнуть иначе как через всемирную диктатуру, я к ней и шел. В чем же мое преступление». ⁸⁴ И за два дня до смерти, уже почти в бреду, в такую минуту, когда люди не лгут: «Я осыятил все начала (революции); я перелил их в мои законы, в мои дела... К несчастью, обстоятельства были суровы, принуждая и меня быть суровым, в ожидании лучших времен... Но подошли неудачи, я не мог ослабить лука, и Франция была лишена свободных учреждений, которые я предназначал для нее». ⁸⁵

Чтобы Наполеон, при каких бы то ни было обстоятельствах, сделался Вашингтоном, мало вероятно. Но, может быть, вина его перед свободой все-таки меньше, чем это казалось его современникам.

Свобода и равенство – два явления одной силы, свет и тепло одного солнца. Истинного равенства нет без свободы, хотя бы только без искры ее, а Наполеонова «открытая дорога талантам», основа современной демократии, – истинное равенство. Люди вообще не выносят большой меры свободы, но и совсем без нее жить не могут. Очень малая мера ее дана в На-

---

⁸³ Las Cases E. Le mémorial... Т. 2. P. 245.

⁸⁴ Ibid. P. 303.

⁸⁵ Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 569.

полеоновом Кодексе, но зато так надежно и крепко, что всей европейской цивилизации надо рушиться, чтобы она была отнята у людей.

Демократия – плохонький рай; но кто побывал в аду – знает, что лучше ада и плохонький рай и что малая свобода демократии по сравнению с абсолютным рабством коммунизма тоже свежесть весеннего утра, по сравнению с ледяным крутом Дантова ада или холодом междупланетных пространств.

Может быть, сейчас русские люди, побывавшие в аду коммунизма, знают о Наполеоне то, чего европейцы не знают и чего нельзя узнать из сорока тысяч книг.

«Мне надо было победить в Москве». ⁸⁶ – «Без этого пожара (Москвы) я бы достиг всего». ⁸⁷

1812 – 1917. В том году началось, кончилось в этом; может быть, без того не было бы и этого. «Я объявил бы свободу крепостных в России». ⁸⁸ Если бы он это сделал, – может быть, не было бы русской революции, русского ада.

Кто поджег Москву? Русские «Сыны отечества»? Нет, выпущенные из тюрем воры, убийцы и разбойник. ⁸⁹ «Люди с дьявольскими лицами в бушующем пламени – настоящий

---

⁸⁶ Las Cases E. Le memorial... Т. 1. P. 308.

⁸⁷ O'Méara B. É. Napoléon en exil. Т. 1. P. 178.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ségur P. P. Histoire et mémoires. Т. 5. P. 46; Las Cases E. Le memorial... Т. 3. P. 290.

образ ада», – вспоминает Сегюр.⁹⁰

«Какие люди! Какие люди! Это скифы!» – повторял Наполеон в вешем ужасе. Скифы «с раскосыми и жадными глазами»⁹¹, готовы кинуться на Рим, как волки на падаль. Наполеон это знал – он один из всех европейцев.

Померкни, Солнце Аустерлица.

Пылай, великая Москва!⁹²

Москва запылала, и совершились пророчества.

«Какое несчастье мое паденье. Я завязал мех ветров, а вражий штык опять его проткнул. Я мог бы идти спокойно к обновлению мира, а теперь оно совершится только в бурях.⁹³ Может быть, достаточно будет искры, чтобы вспыхнул мировой пожар». Зарево этого пожара он и увидел в Москве.

«Русские суть варвары, у которых нет отечества и которым все страны кажутся лучше той, где они родились».⁹⁴

«Вспомнят обо мне, когда русские варвары овладеют Европой, что не случилось бы без вас, господа англичане».⁹⁵ Мы теперь сказали бы: «Без вас, господа европейцы».

«Будете плакать обо мне кровавыми слезами!» – «Фран-

---

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Блок А. Скифы (1918).

⁹² Пушкин А. С. Наполеон (1821).

⁹³ Las Cases E. Le memorial... Т. 2. Р. 118.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Las Cases E. Le memorial... Т. 3. Р. 370.

ция больше нуждалась во мне, чем я в ней». Эти слова Наполеона для Франции все еще загадка, но не для России.

К русским он был не совсем справедлив: не все они «варвары»; есть среди них и такие, которые любят Европу и знают ее, может быть, лучше самих европейцев.

Вот и сейчас видят русские то, чего европейцы не видят: страшно высоко над ними,— по этой высоте мы можем судить, в какую мы сошли низину, в какую пропасть сползли,— страшно высоко над нами, по горам Запада, едет Всадник, четко чернея на небе, красном от зарева. Кто он? Как не узнать.

На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Едет шагом, смотрит вдаль, на Восток, держит в руке обнаженную шпагу — сторожит. Что от кого? Европейцы не знают,— знают русские: святую Европу — от красного дьявола.

Владыка мира

«Идея всемирного объединения людей есть идея европейского человечества; из нее составилась его цивилизация, для нее одной оно и живет»,— говорит Достоевский в «Дневнике писателя», и устами Великого Инквизитора, о трех искушениях Христа – хлебом, чудом и властью: «Потребность всемирного соединения есть последнее мучение людей. Всегда человечество, в целом своем, стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но, чем выше были эти народы, тем были и несчастливее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей».

Достоевский прав: вечная и главная мука человечества – неутолимая жажда всемирности.

Если на первый взгляд кажется, что единственно реальные существа в истории суть существа национальные – «народы, племена, языки», то, при более глубоком взгляде, оказывается, что все они только и делают, что борются с собой и друг с другом, преодолевают себя и друг друга, чтобы образовать какое-то высшее существо, сверхнациональное, всемирное; что все они более или менее чувствуют себя и друг друга «разбросанными членами», *membra distecta*, этого бывшего и будущего тела; все движутся в истории, шевелятся, как звенья разрубленной, но не убитой змеи, что-

бы снова соединиться и срастись; или как мертвые кости Иезекиилева поля: «произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кость с костью, а духа не было в них».

От основателя первой всемирной монархии, вавилонского царя Сарганисара, Саргона Древнего (около 2800 г.), до Третьего Интернационала всемирная история есть шевеление этих змеиных обрубков, шум этих мертвых костей.

Только что человечество начинает понимать себя, как уже мучается этою мукою – неутолимою жаждою всемирности. Древние всемирные монархии – Египет, Вавилон, Ассирия, Мидия, Персия, Македония – ряд попыток утолить ее, «устроиться непременно всемирно». Та же идея соединяет обе половины человечества, языческую и христианскую; только в эллино-римской всемирности могло осуществиться христианство: Сын Человеческий родился не случайно на всемирной земле Рима, под всемирной державой римского кесаря.

Дело всемирности, начатое языческим Римом, продолжает Рим христианский, до наших дней, до Революции. Революция отступила от христианства во всем, кроме этого – всемирности «Французская революция, в сущности, была не более как последним видоизменением и перевоплощением той же древнеримской формулы всемирного единения», – говорит Достоевский, но не договаривает: последним воплощением всемирности была не сама революция, не хаос, а его обуздатель, Наполеон.

Дело всемирности есть главное и, можно сказать, единственное дело всей жизни его. Не поняв этого, ничего нельзя в ней понять. Все его дела, мысли, чувства идут от этого и к этому.

«Жажда всемирного владычества заложена в природе его, можно ее видоизменить, задержать, но уничтожить нельзя», – верно угадывает Меттерних.⁹⁶ И он же: «Мнение мое о тайных планах и замыслах Наполеона никогда не изменялось: его чудовищная цель всегда была и есть – порабощение всего континента под власть одного».⁹⁷

Почему же эта цель «чудовищна»? Почему Наполеоново всемирное владычество – «порабощение»? Потому что он «честолюбец», «властолюбец», каких мир не видал.

Ставить Наполеону в вину любовь к власти все равно что ваятелю – любовь к мрамору или музыканту – любовь к звукам. Вопрос не в том, любит ли он власть, а в том, для чего он любит ее и что с нею делает.

Властолюбие сильная страсть, но не самая сильная. Из всех человеческих страстей – сильнейшая, огненнейшая, раскаляющая душу трансцендентным огнем – страсть мысли; а из всех страстных мыслей самая страстная та, которая владела им – «последняя мука людей», неутолимейшая жажда их, – мысль о всемирности. Может быть, это уже не

---

⁹⁶ Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 440.

⁹⁷ Taine H. A. Les origines de la France contemporaine. P. 124; Metternich. Mémoires, documents et écrits divers. P., 1880. T. 2. P. 304.

страсть, а что-то большее, для чего у нас нет слова, потому что вообще, как верно замечает госпожа де-Сталь, «личность Наполеона неопределима словами».

«Я хотел всемирного владычества,— признается он сам,— и кто на моем месте не захотел бы его? Мир звал меня к власти. Государи и подданные сами устремлялись наперерыв под мой скипетр». ⁹⁸

Он мог бы сказать о мире то же, что говорил о Франции: «Мир больше нуждался во мне, чем я в нем».

Если это — «властолюбие», «честолюбие», то какого-то особого порядка, не нашего, и нашими словами, в самом деле, неопределимого. Он и сам хорошенько не знает, есть ли оно у него. «У меня нет честолюбия... а если даже есть, то такое естественное, врожденное, слитое с моим существом, что оно, текущее в моих жилах, как воздух, которым я дышу». ⁹⁹ — «Мое честолюбие?.. О да, оно, может быть, величайшее и высочайшее, какое когда-либо существовало! Оно заключалось в том, чтобы утвердить и освятить наконец царство разума — полное проявление и совершенное торжество человеческих сил». ¹⁰⁰

Царство разума — царство всемирное. Как же он к нему идет?

«Одной из моих величайших мыслей было собрание, со-

---

⁹⁸ Las Cases E. Le mémorial... Т. 2. P. 43.

⁹⁹ Roederer P. L. Atour de Bonaparte. P. 174.

¹⁰⁰ Las Cases E. Le mémorial... Т. 2. P. 245.

единение народов, географически единых, но разъединенных, раздробленных революциями и политикой... Я хотел сделать из каждого одно национальное тело». ¹⁰¹ Это начало, а конец: соединение тел во всемирное – в «европейский союз народов, association européenne». ¹⁰²

«Как было бы прекрасно в таком шествии народов вступить в потомство, в благословение веков! Только тогда, после такого первого упрощенья, можно бы отдаться прекрасной мечте цивилизации: всюду единство законов, нравственных начал, мнений, чувств, мыслей и вещественных польз». ¹⁰³ – «Общевропейский кодекс, общевропейский суд; одна монета, один вес, одна мера, один закон». – «Все реки судоходны для всех; все моря свободны». ¹⁰⁴ – Всеобщее разоружение, конец войн, мир всего мира. «Вся Европа – одна семья, так чтобы всякий европеец, путешествуя по ней, был бы везде дома». Н. Ibid. Т. 1. Р. 530—532. «Тогда-то, может быть, при свете всемирного просвещения, можно бы подумать об американском Конгрессе или греческих Амфиктиониях для великой европейской семьи, и какие бы открылись горизонты силы, славы, счастья, благоденствия!»

Все это уже было близко, так близко, как еще никогда: только руку протянуть. И он уже протягивал ее дважды; две

---

¹⁰¹ Ibid. Т. 4. Р. 152.

¹⁰² Ibid. Т. 3. Р. 297.

¹⁰³ Ibid. Т. 4. Р. 153.

¹⁰⁴ Ibid. Т. 3. Р. 298.

попытки всемирного «обновления» были им сделаны: «первая, с юга, через Англию, республиканская; вторая, с севера, через Россию, монархическая. Обе шли к одной цели и совершились бы твердо, умеренно, искренно. И каких только бедствий, ведомых нам и неведомых, не избегла бы несчастная Европа! Никогда не возникало замысла более великого и благодетельного для цивилизации; и никогда еще не был он ближе к исполнению. И вот что замечательно: „Неудача моя произошла не от людей, а от стихий; море погубило меня на юге, а на севере – пожар Москвы и мороз. Так вода, воздух, огонь – вся природа оказалась враждебною всемирному обновлению, которого требовала сама же природа. Неисповедимы тайны Промысла!“¹⁰⁵ – «Но как бы то ни было, рано или поздно, это соединение народов произойдет силою вещей: толчок дан, и я думаю, чтобы, после моего падения и крушения моей системы, оказалось возможным в Европе другое великое равновесие, помимо собирания и союза великих народов».¹⁰⁶

«Но зачем все это?» – может быть, спросите вы, как Пирров советник. Я вам отвечу: чтобы основать новое общество и предотвратить великие бедствия. Вся Европа этого ждет, этого требует; старый порядок рушился, а новый еще не окреп и не окрепнет, без долгих и страшных судорог».¹⁰⁷

---

¹⁰⁵ Н. Ibid. Т. 1. Р. 530—532.

¹⁰⁶ Ibid. Т. 4. Р. 157.

¹⁰⁷ Ibid. Р. 115.

Никогда еще эти слова Наполеона не звучали так пророчески, как в наши дни. 1814 – 1914. Этот год ответил тому: в том – пала Наполеонова империя, начало всемирности, а в этом – вспыхнула всемирная война. «Страшная судорога» только что прошла по человечеству, и, может быть, близится страшнейшая, по его же пророчеству: «Искры, может быть, будет достаточно, чтобы снова вспыхнул мировой пожар». И единственная наша защита – жалкая тень всемирности душа младенца нерожденного, витающая в Лимбах, или мертворожденный выкидыш – Лига Наций.

Чтобы понять до конца, что значит для Наполеона всемирность, надо понять, что она у него не отвлеченная, а кровная, плотская; не то, что для него еще будет, а то, что в нем уже есть; надо понять, что Наполеон не человек с идеей всемирности, а уже всемирный человек, или, говоря языком Достоевского, «слишком ранний всечеловек». И в этом, как во многом другом, он – «существо, не имеющее себе подобного», по глубокому впечатлению госпожи де-Сталь.

Он современен не своему времени, а бесконечно далекому прошлому, когда «на всей земле был один язык и одно наречие» – одно человечество; или бесконечно далекому будущему, когда будет «одно стадо, один Пастырь». Он как бы иногo творения тварь; слишком древен или слишком нов; допотопен или апокалипсичен.

Человек без отечества, но не по недостатку в себе чего-то, а по избытку. В юности он любил родную землю, Корсику,

и хотел быть «патриотом», подражая корсиканскому герою, Паоли, или классическим героям Плутарха. Но это плохо удалось ему, и скоро соотечественники изгнали его, объявив «врагом отечества».

Он и сам в себе это чувствует и недоумевает; сам искренне и до конца жизни не знает, что он. «Я скорее итальянец или тосканец, чем корсиканец». ¹⁰⁸ – «Я непременно хотел быть французом. Когда меня называли „корсиканцем“, это было для меня самым чувствительным из всех оскорблений». ¹⁰⁹ – «Один мэр, кажется, в Лионе, сказал мне, думая, что говорит комплимент: „Удивительно, что ваше величество, не будучи французом, так любит Францию и столько для нее сделало“. Точно палкой он меня ударил». ¹¹⁰

«На каком бы языке ни говорил он, казалось, что этот язык ему не родной; он должен был насиловать его, чтобы выразить свою мысль». ¹¹¹ – «Когда произносил речи (по-французски), все замечали недостаток его произношения. Ему сочиняли их заранее, переписывали крупными буквами и учили его произносить слова; но, начиная говорить, он забывал урок и глухим голосом, едва открывая рот, читал по бумаге, с выговором еще более странным, чем иностранным, что производило тягостное впечатление: ухо и мысль непри-

---

¹⁰⁸ Gourgaud G. Sainte-Hélène. Т. 2. P. 345.

¹⁰⁹ Ibid. P. 170.

¹¹⁰ Ibid. P. 345.

¹¹¹ Rémusat C.-É G. de Mémoires. Т. 1. P. 104.

ятно поражаются этим непреложным свидетельством его национальной чуждости». ¹¹²

Это и значит: человек без языка, без народа, без родины.

Любит ли он Францию? О, конечно, любит! Но даже такой проникательный человек, как Стендаль, ошибается, думая, что он любит ее, как отечество. Он и сам в этом ошибается: «Клянусь, все, что я делаю, я делаю только для Франции». ¹¹³ – «В счастье, в горе, на полях сражений, в совете, на троне, в изгнании Франция была постоянным предметом всех моих мыслей и действий». ¹¹⁴ – «Все для французского народа», – завещает он сыну. Но все ли он отдал ему сам?

Что такое «отечество»? Родная земля, отделенная от чужих земель границами. Но вся цель наполеоновских войн – бесконечно раздвинуть и, наконец, стереть границы Франции. «Когда Франция будет Европой, не будет Франции», – остерегают его. ¹¹⁵ Но этого-то он и хочет: Франции не будет – будет мир.

«Какие чудесные войска!» – восхищался прусский маршал Меллендорф в 1807 году, на параде французских войск, в только что завоеванном Берлине. «Да, чудесные, – возразил Наполеон, – если бы только можно было сделать так, чтобы

---

¹¹² Ibid. Т. 3. Р. 204.

¹¹³ Roederer P. L. Atour de Bonaparte. P. 240.

¹¹⁴ Houssaye H. 1815. Т. 1. Р. 605.

¹¹⁵ Ségur P. P. Histoire et mémoires. Т. 4. Р. 70.

они забыли о своем отечестве». ¹¹⁶

«Он извратил природу французской армии до такой степени, что она утратила всякую национальную память», – вспоминает современница. ¹¹⁷ «Маленький капрал», для своих солдат, больше Франции: где он, там и отечество. Армия Наполеона, так же как он сам, существо уже всемирное.

Он, впрочем, не всегда ошибается насчет своей любви к отечеству. «У меня одна страсть, одна любовница – Франция: я сплю с нею (*je couche avec elle*). Она мне никогда не изменяла; она расточает мне свою кровь и свое золото». ¹¹⁸ Люди так не говорят о родине: она для них мать, а не любовница; не она им жертвует всем, а они – ей.

В лучшем случае Франция для него любовница, а в худшем – боевой конь, та чудесная кобылица, о которой говорит поэт. Бешеный всадник загонял ее до смерти.

Mourante, elle tomba sur un lit de mitraille

Et du coup te cassa les reins.

Пала она, издыхая, на ложе картечи,

И спину сломала тебе под собой. ¹¹⁹

И вот что всего удивительнее: если бы спросили издыхающую Францию, хотела бы ли она не иметь Наполеона, сво-

---

¹¹⁶ Thiébauld P. Mémoires. Т. 3. P. 394.

¹¹⁷ Rémusat C.-É G. de. Mémoires. Т. 3. P. 200.

¹¹⁸ Roederer P. L. Atour de Bonaparte. P. 240.

¹¹⁹ Барбье А. О. Ямбы (1831). Стихотворение «Кобылица».

его бешеного всадника, может быть, она ответила бы: «Нет, не хотела бы!» И в этом величие Франции.

Не корсиканец, не итальянец, не француз, а может быть, и не европеец.

Европа для него только путь в Азию. «Старая лавочка, но-ра для кротов – ваша Европа! Великие империи основываются и великие революции происходят только на Востоке, где живет шестьсот миллионов людей». ¹²⁰

Тяга на Восток проходит сквозь всю его жизнь.

Молодой генерал Бонапарт в Египте, перед Сирийской кампанией, лежа целыми часами на полу, на огромных разостланных картах, мечтает о походе через Мессопотамию на Индию, по следам Александра Великого. ¹²¹ Если бы мечта его исполнилась, то через сорок пять веков последний основатель всемирной монархии встретился бы с первым – вавилонским царем, Сарганисаром: путь у обоих один; только тот шел с Востока на Запад, а этот – с Запада на Восток.

«Я вхожу в Константинополь с несметною армией, низвергаю турецкое владычество и основываю великую империю на Востоке, которая обессмертит меня в грядущих веках», – мечтает он, гуляя по вечерам на морском берегу у Сэн-Жанд'Акра. ¹²²

«Если бы Акр был взят, французская армия кинулась бы

---

¹²⁰ Fauvelet de Bourrienne L. A. Mémoires sur Napoléon. T. 1. P. 230.

¹²¹ Ibid. P. 322.

¹²² Ibid. P. 363.

на Дамаск и Алеппо и в одно мгновение была бы на Ефрате... Шестьсот тысяч человек (христиан) присоединились бы к нам, и как знать, что бы из этого вышло? Я дошел бы до Константинополя, до Индии; я изменил бы лицо мира», – мечтает он уже на Св. Елене.¹²³

Только что захватив власть, после 18 Брюмера, предлагает императору Павлу I поход на Индию, и потом, на высоте величия, после Тильзита, – Александру I.

«Этот длинный путь есть в конце концов путь в Индию, – говорит в 1811-м, за несколько месяцев до Русской кампании. – Александр (Македонский), чтобы достигнуть Ганга, отправляется также издалека, как я из Москвы... С крайнего конца Европы мне нужно зайти в тыл Азии, чтобы настичь Англию (в Индии)... Это предприятие, конечно, гигантское, но возможное в XIX веке».¹²⁴

В императорском обозе, шедшем на Москву, был особый фургон с коронационным убором – мечом, диадемой и порфирой: говорили, что Наполеон коронуется вторично в священном городе Дели, на берегу Ганга, императором Востока и Запада.

Накануне Бородина он получает из Парижа портрет сына-наследника: полулежа в колыбели, мальчик держит в руках игрушку – императорский скипетр, увенчанный земным глобусом.

---

¹²³ Las Cases E. Le memorial... Т. 2. P. 65.

¹²⁴ Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 158.

В 1811 году император посылает морскому министру Декрэ к исполнению проект о постройке, в течение трех лет, двух флотов – Океанского и Средиземного; база для первого – Ирландия, для второго – Египет и Сицилия; предполагаются экспедиции на мыс Доброй Надежды, в Суринам, Мартинику и другие заокеанские страны; флоты распределяются в обоих полушариях, чтобы утвердить мировое владычество не только над Европой и Азией, но и надо всем земным шаром. «Через пять лет я буду владыкою мира», – говорил он в том же 1811 году.¹²⁵

«Император сошел с ума, окончательно сошел с ума!» – ужасался Декрэ.¹²⁶ Это в самом деле похоже на сумасшествие. Никогда никто из людей, ни Саргон, ни Александр, ни Цезарь, не думал так страшно ясно, страшно близко о мировом владычестве.

Кажется иногда, что он сам страшится этих мыслей, – «страшится», впрочем, для него не подходящее, слишком человеческое, слово; во всяком случае, он чувствует их *роковую* тяжесть.

Все, что делает, он делает для этого, но почти никогда не говорит об этом. «Я понимал, – говорит уже на Св. Елене, когда знает, что все кончено, дело проиграно, – я понимал, что

---

¹²⁵ Pradt de. Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812. P., 1815. P. 23.

¹²⁶ Marmont A. F. L. Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse de 1792 à 1841 P.. 1857. T. 3. P. 337.

мне всего нужнее тайна: тайна окружала меня тем ореолом загадочности, который так чарует массы; пробуждала те таинственные мысли, которые так волнуют умы; подготавливала те внезапные и блестящие развязки, которые так восхищают людей и дают над ними такую власть. Это-то, к несчастью, и побудило меня слишком поспешно кинуться на Москву: с большею медленностью я все предупредил бы; но мне нельзя было оставлять времени на раздумье. С тем, что я уже сделал и еще намеревался сделать, мне нужно было, чтобы в моей судьбе, в моей удаче было нечто сверхъестественное».

127

Ему нужна «тайна», нужно «сверхъестественное»; это значит: нужна религия. Дойдя до какой-то крайней точки в своих мыслях о мировом владычестве, вдруг понял он, что ему не обойтись без религии: что не может быть всемирного объединения людей без внутренне объединяющего центра, абсолютного Единства – Бога.

«Я создавал религию. Я видел себя на пути в Азию, на спине слона, с тюрбаном па голове и с новым, моего сочинения, Алкораном в руках». ¹²⁸ Это говорится, конечно, с усмешкою. Он слишком умен, чтобы не понимать, что Алкораны не сочиняются, религии не создаются.

Вообще, надо помнить, что он говорит об этом почти всегда небрежно или неловко, неуклюже, потому что извне, не

---

¹²⁷ Las Cases E. Le memorial... Т. 4. P. 157.

¹²⁸ Rémusal C.-É. G. de Mémoires. Т. 1. P. 274.

то чтобы поверхностно,— иногда, напротив, очень глубоко,— но именно только извне, со стороны, и с тою легкою усмешкою, которая напоминает оскал фернейского мертвого черепа. Вольтера он, впрочем, не любит и не уважает. «Злой человек, дурной человек. Это он довел нас до такого состояния»,— сказал бы он о нем еще охотнее, чем о Руссо. Но от вольтеровской усмешки в религии не может отделаться. Чувствуется, однако, и сквозь эту усмешку, что религия для него не пустое и не легкое дело, а очень важное, трудное и даже, говоря опять неподходящим для него человеческим словом, очень страшное.

Как бы то ни было, но, поняв, что в мировом владычестве не обойтись без религии, он понял и то, что религиозно строится оно, как пирамида, постепенно суживаясь кверху и, наконец, заостряясь в одном острие, в одной математической точке, где земля соприкасается с небом, человек — с Богом. Или, другими словами, человек, на вершине мирового владычества, должен,— хочет не хочет, а должен выговорить эти страшные или просто нелепые, «сумасшедшие» слова: «Я — Бог»; «*Divus Caesar Imperator*». Римские кесари говорили это не по глупости,— были же среди них такие умные люди, как Юлий Цезарь, и не по «сатанинской гордости»,— были среди них и святые, как Антонин и Марк Аврелий,— а потому, что к этому вынуждала их внутренняя логика мирового владычества; став на это место, человек должен это сказать,— иначе вся пирамида рухнет.

Это понимает и Наполеон со свойственной ему его геометрической ясностью. «Только что человек становится государем, как он уже отделен от всех людей. Я всегда находил инстинкт верной политики в мысли Александра объявить свое божественное происхождение». ¹²⁹ Больше всех побед Александра – его «великая политика» – посещение Амонова храма, где оракул шепчет ему на ухо: «Ты – сын божий». ¹³⁰

Но Александр и Цезарь могли это сделать до Рождества Христова, а можно ли после? Этого Наполеон хорошенько не знает. Иногда ему кажется, что можно. «Если бы я вернулся из Москвы победителем, то весь мир снова устремился бы ко мне, удивляясь и благословляя меня. И стоило бы мне тогда исчезнуть в лоне тайны, чтобы народы возобновили басню о Ромуле: поверили бы, что я вознесся на небо и воссел в сонме богов». ¹³¹

А иногда кажется ему, что этого уже сделать нельзя.

«Я пришел в мир слишком поздно: теперь уже нельзя сделать ничего великого», – говорит он в день коронавания, 2 декабря 1804 года, тому самому Декрэ, который боится, что император «сошел с ума». – «Конечно, моя карьера блестяща, мой путь прекрасен. Но какое же сравнение с древностью! Там Александр покорил Азию, объявляет себя сыном Юпитера, и, за исключением матери его, Олимпии, которая

---

¹²⁹ Ibid. P. 332.

¹³⁰ Gourgaud G. Sainte-Hélène. T. 2. P. 435.

¹³¹ Las Cases E. Le mémorial... T. 4. P. 50.

знает, в чем дело, да Аристотеля, да нескольких афинских педантов, весь Восток верит ему. Ну а если бы я вздумал себя объявить сыном Бога-Отца и назначить благодарственное богослужение по этому поводу, то не нашлось бы такой рыбной торговли в Париже, которая не освистала бы меня. Нет, в настоящее время народы слишком цивилизованны: нельзя ничего сделать!»¹³²

То можно, то нельзя. Тут геометрическая ясность ума изменяет ему; начинается «темная гемисфера небес», где свет, о котором говорит Гете: «Свет, озарявший его, не потухал ни на минуту», – вдруг потухает, так что он должен ходить ощупью, чтобы не попасть в «смешное»: «от великого до смешного только шаг». Тут «свист рыбной торговли» может низвергнуть владыку мира.

Смутно видит он или только слышит, что где-то очень близко от него, как будто рядом с ним, строится другая пирамида мирового владычества. Если бы он лучше видел, то понял бы, что строится она не рядом, а над ним и что эти две пирамиды противоположны друг другу: одна его – языческий Рим – подымается от земли к небу; другая, христианская, – Град Божий – опускается с неба на землю, так что острия их соприкасаются в одной точке, где, по смыслу пирамиды нижней, человек становится Богом, а по смыслу верхней, – Бог становится Человеком; тот жертвует миром себе, а этот – собою миру. Что противоположность эту Наполеон

---

¹³² Marmont A. F. L. Mémoires. T. 2. P. 242.

понимает или хотя бы смутно чувствует, видно из слов его, сказанных уже без всякой усмешки, со страшною серьезностью, когда он сам был распят на скале Св. Елены: «Иисус Христос не был бы Богом, если бы не умер на кресте».

Надо бы ему выбрать одну из двух пирамид. Но он этого не делает – страшится: тут, кажется, это человеческое слово подходит к нему. Он хочет соединить обе пирамиды. Конкордат и есть попытка такого соединения.

«Это была самая блестящая победа над духом Революции; все остальные – только следствия этой, главной. Успех Конкордата показал, что Бонапарт лучше всех окружавших его угадал то, что было в глубине сердец», – говорит современник.¹³³

Да, понял он, что религии не создаются. Алкораны не сочиняются; не захотел быть «чудовищною помесью пророка с шарлатаном», как определяет его Карлейль с грубою легкостью. «Не хотите ли вы, чтобы я сочинил, по своей фантазии, новую, неизвестную людям религию? Нет, я смотрю на это дело иначе: мне нужна старая, католическая религия; она одна в глубине сердец, неискоренимая, и одна только может мне приобрести сердца и сгладить все препятствия».¹³⁴

Но что главное препятствие в ней же, в самой религии, он уже давно знает. «Христианство несовместимо с государством», – пишет семнадцатилетний мальчик Бонапарт в своих

---

¹³³ Pasquier E. D. Histoire de mon temps: Mémoires. P., 1893. Т. 1. P. 160.

¹³⁴ Ibid.

ученических тетрадах. – Царство Христово не от мира сего. Оно ставит верховную власть Бога на место верховной власти народа». «И государя, – мог бы он прибавить. – Оно разрушает государственное единство». ¹³⁵

Чтобы соединить две пирамиды мирового владычества, государство и церковь, надо что-то существенно изменить в христианстве. Что же именно? «Я старался не задевать догмата», – говорит Наполеон простодушно, как военный человек о невоенных делах. ¹³⁶ Но не задевать догмата было трудно – труднее, чем он думал: ведь к самому существу догмата относится вопрос: кто истинный Владыка мира – Богочеловек или Человек-бог?

Но он все-таки начал это трудное дело: объявил, что нет двух заместителей Христа, папы и кесаря, а есть один-единственный – кесарь. По Наполеонову Катехизису: «Бог сделал императора заместителем Своего могущества и образом Своим на земле». ¹³⁷ Только ли образом? Архиепископ руанский, кощунственно играя словом «christos», «помазанник», называет императора «Христом Провидения», «le christ de la Providence». ¹³⁸

«Я надеялся управлять папою, и тогда какое влияние, какой рычаг для власти над миром!» – открывает Наполеон

---

¹³⁵ Napoléon. Manuscrits inédite, 1786—1791. P. 719.

¹³⁶ Las Cases E. Le memorial... Т. 3. P. 251.

¹³⁷ Rémusat C.-É G. de. Mémoires. Т. 3. P. 49—50.

¹³⁸ Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 210.

«тайну» свою, опять только на Св. Елене, когда уже все кончено и дело проиграно. ¹³⁹ – «Я управлял бы миром духовным так же легко, как политическим». ¹⁴⁰ – «Я вознес бы папу безмерно... окружил бы его таким почетом и пышностью, что он перестал бы жалеть о мирском; *я сделал бы из него идола*; он жил бы рядом со мной; Париж был бы столицей, христианского мира, и я управлял бы миром духовным, так же как светским», – все повторяет он это, все возвращается к этому. ¹⁴¹

Но легко ли это или трудно, все-таки не знает наверняка. «Духовная власть государя была предметом всех моих помыслов и всех желаний... Без нее нельзя управлять... Но это было очень трудно сделать; при каждой попытке я видел опасность. Я сознавал, что, если бы я принялся за это, как следует, народ меня покинул бы». ¹⁴² Раздался бы «свист рыбной торговли».

Хуже всего то, что он хорошенько не знает, что ему делать с папою. Борется железным мечом с призраком. То ласкает, то ранит его. «Пий VII настоящая овечка, совершенно добрый человек; я его очень уважаю и люблю». ¹⁴³ Это вначале, а в конце: «Папа бешеный дурак, которого надо запереть».

---

¹³⁹ Las Cases E. Le memorial... Т. 3. P. 248.

¹⁴⁰ Ibid.

¹⁴¹ Ibid. P. 257.

¹⁴² Ibid. P. 258.

¹⁴³ Ibid. P. 254.

¹⁴⁴ И он запирает его сначала в Савону, потом в Фонтенбло. «Идолом» папа сделаться не захотел. Агнец оказался львом, мягкий воск – твердым камнем, тем самым, о котором сказано: «На камне сем созижду церковь Мою».

«Мы сделали все для доброго согласия, – писал о Конкордате Пий VII. – Мы еще больше готовы сделать, только бы оставили неприкосновенными те начала, в коих мы неподвижны. Тут дело идет о нашей совести, и тут от нас ничего не получают, если бы даже с нас содрали кожу». ¹⁴⁵

Невообразимо, чем бы кончилась эта война, может быть, величайшая из всех наполеоновских войн, если бы не наступил внезапный конец, не рушилась или не рассеялась, как сон, вся пирамида мирового владычества и он вдруг не проснулся бы голый на голой скале Св. Елены.

Видел ли он Того, с кем боролся, как Иаков во сне? «Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня». Бог благословил Наполеона устами святейшего отца, Пия VII: «Мы должны помнить, что после Бога ему (Наполеону) религия преимущественно обязана своим восстановлением... Конкордат есть христианское и героическое дело спасения». ¹⁴⁶ Лучше, мудрее нельзя сказать: «христианское и героическое», божеское и человеческое вместе – это и есть точка соприкосновения двух пирамид.

---

¹⁴⁴ Napoléon. Correspondence. P., 1858. T. 19. P. 15, 384.

¹⁴⁵ Bloy L. L'âme de Napoléon. P. 11.

¹⁴⁶ Lacour-Gayet G. Napoléon. P. 455.

Он их не соединил, пал под их тяжестью; но его величие в том, что он один, за два тысячелетия христианской истории, все-таки пытался поднять эту тяжесть.

Знал ли он, кто искушает его? Если и знал, то не наяву, а только в пророческих снах.

«И возвед Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; и так, если Ты поклонись мне, то все будет Твое».

Наполеон не поклонился диаволу, и царства мира отошли от него.

Что погубило его? Он думал, рок; но не рок ему изменил, а он сам себе: вдруг ослабел, сильный, перед Сильнейшим, и, может быть, в этой слабости из всех его величий величайшее.

Так и умер, не зная, Кто его победил, и даже не мог, умирая, сказать, как древний Отступник: «Ты победил, Галилеянин!» Только молча склонил голову, когда к ней протянулась Невидимая Рука, сняла с нее царский венец и возложила терновый.

Человек из Атлантиды

Мать Наполеона, Мария-Летиция Буонапарте, посвятила его, еще до рождения, Пречистой Деве Матери, как будто знала, что дитя будет нуждаться в Ее святом покрове. И мальчик родился 15 августа, в день Успения Пресвятой Богородицы.

Вспомнил ли Наполеон хоть раз в жизни об этом посвящении? Едва ли. А если бы даже и вспомнил, то, может быть, удивился бы, как мы удивляемся: нашла кого Кому посвящать!

Но посвящение оказалось не тщетным, хотя и не в том смысле, как могли бы это понять «добрые католики», и даже христиане вообще, но в том самом, как поняли бы дохристианские поклонники Великой Матери богов. Magna Mater deorum, потому что задолго еще до христианства Она уже царила здесь, на острове Корсике, так же как на всех островах и побережьях Средиземного моря. В этой колыбели европейского человечества Она уже баюкала его песнью волн, еще с незапамятной, может быть доисторической, древности. Мать Изида египетская, Иштар-Мами вавилонская, ханаанская Астарта, Virgo Coelestis карфагенская, Рея-Кибела малоазийская, греческая Деметра – Мать-Земля и Урания – Небесная Матерь, – под множеством имен, во множестве образов, – все Она, Пречистая Дева Матерь.

Antiquam exquirite Matrem.

Древнюю Матерь ищите —

этот завет Энея-праотца исполнил Наполеон, как никто: взыскал, возлюбил ее всю,— всю хотел обнять,— не маленькую Корсику, не маленькую Францию, не маленькую Европу, а всю великую Землю Мать.

Но что Мать Земля есть и Матерь Небесная, этого не знал или забыл. А между тем всю жизнь звучал над ним Ее таинственный благовест.

«Я всегда любил звук сельских колоколов»,— вспоминает он на Св. Елене.¹⁴⁷ «Колокольный звон производил на Бонапарта необыкновенное действие, которого я никогда не мог себе объяснить,— вспоминает школьный товарищ его, Буррьенн. — Он слушал его с наслаждением. Сколько раз бывало, в Мальмезоне, когда мы гуляли с ним по аллее, ведущей к Рюейльской равнине, сельский колокол прерывал наши беседы о самых важных делах. Он останавливался, чтобы шум шагов не заглушил ни одного из чарующих звуков, и почти сердился на меня за то, что я не испытывал тех же чувств, как он. Действие, производимое на него этими звуками, было так сильно, что в голосе его слышалось волнение, когда он говорил мне: „Это напоминает мне мои юные годы в Бри-

---

¹⁴⁷ Las Cases E. Le mémorial... Т. 3. P. 173.

еннской школе. Я был счастлив тогда!“¹⁴⁸

Больше всех звуков земли любит он эти два столь противоположные – пушечный гром и сельский колокол.

Очарованные странники христианских легенд, блуждая в пустынях и слыша неведомо откуда доносящийся благовест, идут на него. А Наполеон никуда не идет и даже не слышит, что колокол его куда-то зовет; не знает о себе того, что мать знала о нем еще до его рождения.

«Наполеон весь жил в идее, но не мог ее уловить своим сознанием; он отвергает вообще все идеальное и отрицает его действительность, а между тем усердно старается его осуществить», – говорит Гете.¹⁴⁹

Как странно! Наполеон один из самых умных людей, а если мерить ум по глубине, с какой он захватывает действительность, то и самый умный человек, по крайней мере за последних два тысячелетия, – не видит, не знает, не сознает своей же собственной идеи, такой огромной, что он «живет в ней весь». Может ли это быть?

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust!

Ах, две души живут в моей груди!

Дневная и ночная. Мысли ночной потухают в дневной, как

---

¹⁴⁸ Fauvelet de Bourrienne L. A. Mémoires sur Napoléon. T. 1. P. 253.

¹⁴⁹ Napoléon, der ganz in der Idee lebte, konnte sie doch im Bewusstsein nicht erfassen; er leugnet alles Ideelle durchaus und spricht ihm jede Wirklichkeit ab, indessen er eifrig es zu verwicklichen trachtet.

звезды – в солнечном свете. Солнцу надо зайти, чтобы выступили звезды. Но солнце Наполеона никогда не заходит: «свет, озарявший его, не потухал ни на минуту», по слову того же Гете. Вот почему он не видит своих ночных мыслей – звезд. Но, может быть, о них-то и напоминает ему колокол.

13 октября 1809 года, после Ваграма, на площади Шенбруннского замка, близ Вены, во время парада, схвачен был молодой человек, почти мальчик, лет 18, «с очень белым и нежным лицом, как у девушки, Фридрих Штапс, сын протестантского пастора в Наумбурге. Из бокового кармана сюртука торчал у него огромный, неловко завернутый в бумагу, кухонный нож. Этим ножом он хотел убить Наполеона, как тотчас, признался ему на допросе.

– За что вы хотели меня убить?

– За то, что вы делаете зло моему отечеству...

– Вы сумасшедший, вы больной. Позвать Корвизара!

Корвизар, лейб-медик Наполеона, осмотрел Штапса и объявил, что он совершенно здоров.

– Я вас помилую, если вы попросите у меня прощенья, – сказал Наполеон.

– Я не хочу прощенья, я очень жалею, что мне не удалось вас убить, – ответил Штапс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.